

ГЛАВА I

Георгий Иванович Степушкин, в миру Жоржик, Жорик, или просто Жорка, а в блатном, преступном мире — Гога, стоял под полуденным знойным солнцем, обливался потом посреди центральной площади и беспомощно крутил головой.

Куда подевалось это детективное агентство, в которое отослал его хитро выделанный следователь, он не знал. Ну не видел он вывески, век воли не видать, и все тут! А вывеска должна была быть, это следователь точно сказал и даже кулаком себя в грудь ударил.

— Там вас, Георгий Иванович, встретит милая дама — Дарья Дмитриевна Полукарова, — подталкивал он его в спину к выходу из кабинета. — Мы с ней уже созвонились. Она берется за ваше дело. Обещает решить все проблемы. Не забесплатно, конечно же.

— Как это не забесплатно? — Степушкин резко вдавил каблуки в пол, притормаживая. — Как не забесплатно, начальник? Тут, значит, за так, а там что же, деньги нужно платить за то, что падлу, что меня ограбила, искать станут?! А тут за так ты не хочешь? Ишь, как устроился, здорово!

Вот тогда-то следователь Топорков и глянул на него с проникновенностью, все объясняющей.

«Что ты, идиот, о себе возомнил? — прочитал

Степушкин то, что первой бегущей строкой проползло в серых невзрачных следовательских глазах. — Кто станет искать твои сраные цапки, которые ты сам украл и за которые ты уже к тому же и отсидеть успел? Кому на хрен нужно возиться с этим говном? Кому охота не спать, ноги обивать или свой бензин лить в казенную машину, потому что лишней капли никто не даст из-за твоего уродского грабежа? Кому охота портить показатели за квартал твоим глухарем? А ведь никто не найдет твоего добра, никто! Как не нашел его никто, когда ограбленный антиквар бился в истерике, так не найдут его и теперь! Не хочешь платить в детективном агентстве, пошел тогда на...»

Очень доходчиво и красноречиво глянул на него следователь Топорков. И снова подтолкнул в спину.

— Ладно... — проворчал Степушкин. — Пойду, найду твою Дарью Дмитриевну. Только ведь баба, чего она знать-то может? Чего найдет-то? Только перевод деньгам!

— Есть выбор? — поиграл бровями Топорков и с облегчением выпроводил его за порог своего кабинета.

Степушкин пошел к центру города пешком. Своя машина давно была продана. Как первый раз в дурку загремел, так и продал. Тут как раз так совпало, что права нужно было менять, стало быть, нужно было проходить комиссию. А кто станет ему справку делать с таким-то диагнозом? Никто. Вот он машину и продал. На такси теперь ездил, общественным транспортом пользоваться научился, пешком ходить опять же не брезговал. И совсем, к слову, не горевал. Иногда даже нравилось в битком набитом автобусе потолкаться.

Народ-то, он болтливый кругом. Хорошо, если

кто один едет, тот просто хмурит брови и негодует про себя потихонечку. А если компанией кто в автобус завалил? Да если еще и навеселе. Ох-ох-ох, тут только слушай, не зевай. Таких новостей можно послушаться. И про незнакомых людишек, и про тех, кого когда-то знал. И про тех, кого узнать вдруг захотелось.

Однажды, страх признаться, услышал, что знакомые шумных пассажиров уезжают на отдых на три недели. И уезжают уже через пару дней, а завтра будто бы всех собирают на вечеринку. И пассажиры, не стесняясь, адресом обменялись и номером их домашнего телефона снабдили друг друга, записав под диктовку. Как-то же надо было созваниваться, уточнять время гулянки и все такое.

Степушкин не записывал, он запомнил и так. И адрес, и телефон. И потом через четыре дня прозвонил квартиру. Потом понаблюдал за ней, установил, что никого присматривать за домом хозяева не оставили, а потом взял и обнес ее.

Все не стал брать. Зачем ему норковая шуба, к примеру, или кожаная косуха? Что он с ней делать-то станет? Сбыта у него теперь не было. Для блатных он давно завязал. Как первый раз в дурку загремел, так и объявил, что в завязке. Так что сбывать добро было некому. А стало быть, и брать его не стоило.

Чем не побрезговал?

Маленький плоский телевизор снял с кухонной стены, приемник портативный красивый из детской комнаты. Денег немного нашел — тысяч двадцать в рублях, не больше, видимо, все увезли на отдых, а что не увезли, то по банкам рассовали. Продуктов долгого хранения вынес сумчищу целую, вина, водки, виски. Вот и вся его добыча. Ук-

рашения тоже не стал брать, опять же по той самой причине, что сбывать некуда, а дарить некому.

Потом дома рассовал трофеи по подвалу, холодильнику и шкафам, подсоединил приемник с телевизором, свой старый оттащил на помойку уже ночью. Покушал, выпил хорошо, похвалил себя за ум и отсутствие алчности и спать лег удовлетворенным вполне.

А что он сделал не так? Все же по-честному! Лишнего не взял, зачем? А что взял, то хозяевам не в убыток будет, быстро окупится и восполнится.

Такими же соображениями, видимо, руководствовался и тот вор, что обчистил его самого. Ничего не тронул лишнего. Техники дома новомодной завались — не взял. Одежда, ковры, посуда, все новехонькое — не тронул. Деньги в тайнике не нашел. Тайник он и сам порой находил с трудом, путаясь в кирпичной кладке. То ли на четвертый снизу, восьмой слева кирпич надо надавить, то ли наоборот — восьмой снизу и четвертый слева.

Деньги остались целыми. А вот ценности пропали.

Георгий Иванович Степушкин тяжело, с надрывом вздохнул.

Как же жаль ему того добра, как же жаль!!! Он ведь последний срок мотал за него. На нарах корчился и грел себя под куцым одеялом одной-единственной мыслью, что когда выйдет, то...

Применения антикварным ценностям не нашлось по день грабежа, как ни странно. Да он его и не искал. Где-то на уровне подсознания, еще когда грабил того старого известного антиквара, он лелеял глупую совершенно идею оставить все его добро себе. Захотелось вдруг владеть всем этим сказочным богатством, жить среди этой дорогой старинной роскоши. Трогать ее руками, примерять на се-

бя. Захотелось обставить свою жизнь так, как она была обставлена у этого странного седого старика, снующего по квартире в рваных стоптанных тапках и выцветшем рваном в подмышках халате.

Применил, идиот старый? Все потрогал? Наслаждался?

Георгий Иванович решил пройти вдоль домов, что кольцевали площадь. Может, и обнаружится вывеска с замысловатым названием. Если нет, стало быть, соврал ему следователь. Соврал, чтобы выпроводить и команду затем в дежурной части оставить — не пускать гражданина такого-то и такого-то по причине его невменяемости и неуравновешенности.

Нашлась! Нашлась вывеска! Неброская, потому сразу и не заметил. Невеликих размеров, но явно что дорогая, намекающая на солидность и основательность.

Степушкин поднялся тремя ступеньками к массивной двери, дернул за ручку. Дверь мягко поддавалась. Сразу за дверью турникет, охранник вскочил со стула, потребовал документы. Предъявил, что ему, жалко, что ли. И даже сказал, что его должны ждать. Охранник сунулся в пустой журнал с одной-единственной заполненной верхней строчкой. Покивал важно:

— Проходите. — И запустил в движение преграждающий путь турникет. — Дарья Дмитриевна вас ждет.

Девочка была прехорошенькой. Степушкин аж слюну сглотнул, до того ему девочка понравилась. Высокая, ножки — струнки. Попка, юбочкой обтянутая, аккуратная, ручки ухоженные. Короткая стрижка, симпатичное молодое лицо. Степушкин чуть было не повернул обратно.

Разве могла такая красотка соображать и искать преступников? Такой только под руку с богатым фраером прогуливаться по тусовкам и площадям городским. Хрустеть карамельками да, прости господи, по команде юбчонку задирать. Что она смыслить может?

Глазки Дарьи Дмитриевны его остановили. Уменьшечки такие, вьедливые. Такие, что не смотрят, а внутренности твои перебирают с последующей сортировкой. Такие глазки подвести не могли, это точно. И в такие Степушкин за долгую свою уголовную жизнь насмотрелся вдоволь.

— Здрассте, Дарья Дмитриевна, — с полупоклоном поздоровался Георгий Иванович. — Можно присесть?

— Да-да, пожалуйста, — хозяйка просторного шикарно обставленного кабинета кивнула в сторону стула, выставленного посередине. — Присаживайтесь... Георгий Иванович Степушкин, если не ошибаюсь?

— Он самый, он самый, охрана и документ мой смотрела. — Степушкин вытянул из кармана штанов большой клетчатый носовой платок, прошелся по голому почти черепу. — Еле нашел вас, так спрятались... Вывеска незаметная опять же... И почему «Ванда»?

— Имя это такое женское, не слыхали? — усмехнулась Полукарова.

Ну не рассказывать же было гостю, что название придумали, соединив половинки двух имен: Ваня и Даша. Вот и получилось: Ванда. Напарник смущался тому, что его имя первым стояло, настаивал на переименовании. Даша только отмахнулась:

— Пусть остается так, мне нравится.

Так и оставили.

— Имя... — Георгий Иванович пожевал губами. — Может, и слышал. Я много чего слышал за долгую жизнь. Слышали о моей беде?

— Немного.

— Поможете?

— Не знаю. Ничего не могу обещать заранее. Мне нужно знать все обстоятельства дела и...

— А мне нужно знать ваши расценки! — перебил ее Степушкин. — Может, зря и пришел? Может, у вас тут за день по тысяч десять нужно платить. И... Я человек старый, одинокий, бедный... Большой к тому же. Слышали о моей беде?

Врал безбожно!

Старым он лишь выглядел, проведя большую часть сознательной жизни в тюрьме. Оттого и сутуловат, и худоват был, волосы опять же растерял до срока. Одиноким тоже не мог считаться, бабы липли на него, как на варенье. Что им в нем было, он мог лишь догадываться.

Дом добротный? Да, это было. Приобретению он много времени и сил посвятил. Воровал, не тратил, не шиковал, копил тайком от напарников. Потом, выйдя в очередной раз, домик-то и прикупил, оформив на тетку свою престарелую. И оформлением договора ренты сразу в правах узаконился. Тетка, понятное дело, долго не протянула, померла. Дом перешел к Степушкину. В нем он и жил теперь, успев и надстроить, и перепланировать изрядно. Деньги-то были!

Ремонт забабахал такой, как в телевизоре показывают. На мебель не поспешил. Не все же ему хрусткими нарами спину свою и ребра мять. Надо же когда-то и на мягком поваляться, и теплым ук-

рыться. А роскошь он любил. Любил, чтобы все красиво было.

Эта-то вот любовь его и сгубила. Из-за нее, проклятой, он теперь и сидит перед этой симпатичной девчонкой, возглавляющей сыскарьское агентство со странным, совсем не подходящим случаю названием.

А бабы его...

Что бабы? Наглые они, оголтелые, алчные и до денег с угощением, и до ласк. А какие теперь у него могли быть? Только такие, какие же еще! О любви-то он теперь и не мечтал. Мечты все растерял по срокам и по ссылкам. Теперь только паскудницы жадные и грели его койку. Пару месяцев назад две такие вот столкнулись лбами на его огороде ночью, так полосовались, так полосовались, что хоть собака на них спускай.

— У вас есть собака? — словно услышав его мысли, спросила симпатяшка в обтягивающей юбочке.

— Что? Собака? Нет, собаки нет. А это вы к чему?

— Так, собаки нет, — записала Дарья Дмитриевна, глянула на него внимательно. — Живете один?

— Один.

— А гости? Гости случаются?

— Гости? Какие такие гости? — Степушкин осторожно пожал плечами.

Вот привычка многолетняя, куда от нее деваться! Вроде и по своей нужде и сам сюда пожаловал, а карт всех открывать не хочется. А собственно, о каких гостях речь? Каким гостям у него быть-то? Из прошлой жизни редко кто когда захаживал, не жаловал он их особо и уж точно не приглашал никогда.

Про баб ей своих рассказать? Так не поверит.

Видел, видел, как носиком брезгливо подергала, когда он в кабинет к ней ввалился. Досье прочла и думает небось, что подзаборник он какой-нибудь. Портки опять же недорогие, штиблеты — прощай молодость, рубашонка не особо. А чего ему выпендриваться-то? С какой стати достатком своим перед носом у других помахивать? Чтобы повадно было в дом к нему лазить? Так слазили уже, хватит.

— Когда у вас в последний раз дома были гости? — терпеливо повторила свой вопрос Даша. — Послушайте, Георгий Иванович, ведь если вы не станете говорить со мной откровенно и честно, то я вряд ли смогу вам помочь. Мы же с вами не под протокол, что вы в самом-то деле! Сами пришли, а теперь недоговариваете.

— Что нужно-то? — неуверенно спросил Степушкин, уже жалея, что пришел.

Найти все равно ничего не найдут, дурак, что поверил в чудо. Подноготной всей этой девчонке знать тоже не надобно. Дружат они с тем следаком с мутными противными глазами. Что мешает Даше этой поделиться с ним сведениями? Да ничего! Контора ее с дурацким бабьим названием сегодня есть, завтра развалится. А Степушкину потом жить...

— Мне нужно знать все! — мягко шлепнула аккуратной ладошкой по столу Дарья Дмитриевна. — Ваши контакты, все возможные посещения вашего дома, включая почтальонов и соцработников. Ну и... И бывших ваших коллег по цеху. Потом... Кто еще знал о том, что украденные вами вещи вы не продали в свое время? Знал или догадывался? Может, вы хвастались кому-то, показывали их, может, кто-то мог подсмотреть, как вы их мерили.

Вы же делали фотографии, может, кто-то видел их. Вы готовы ответить на мои вопросы?

Степушкин глубоко и надолго задумался.

Да, глазки девчачьи его не обманули. Она как сразу быка за рога и в стойло! Не стала ходить вокруг да около, а сразу ей и про контакты все выложи, и про гостей, и про блатных. Про все, про все.

Зачем затеял всю эту ерунду с расследованием, зачем? Ну, украли и украли, что с того! В конце концов, как пришли, так и ушли. Жил себе тихо. Тихо радовался. Тихо наслаждался тихим счастьем своим незамысловатым. А теперь что? Теперь станут это его счастье тихое снова по полкам расстанавливать? Станут рассовывать по папкам серого картона с замызганными завязками. Папки будут пухнуть, наполняться, множиться. Его тихая и удобная, заслуженная долгими годами тюрьмы старость станет беспокойной. В нее начнут лезть все кому не лень и с ногами, и с рогами. И...

— Пойду я, — Степушкин вдруг вскочил со стула и потрусил к двери. — Спасибо вам, девушка, но я пойду.

— А что так-то, Георгий Иванович? — крикнула она ему вслед. — Передумали?

— Да-да, передумал, — покивал он.

Остановился возле двери. Еще раз обмахнул лысину носовым платком, поклонился старомодно и взялся за дверную ручку.

— Передумал я, точно передумал.

— А что конкретно передумали: украденное вами и у вас добро искать? Или снова в свою жизнь розыск пускать?

Ах, вот она как!.. Вот прямо под дых! Прямо в селезенку!

Степушкин не выдержал и даже пальцем ей с

легким смешком погрозил. Вспотел так, что аж под коленками стало мокро.

Да, девочка и впрямь умна. Да как еще умна! Опомниться не дала, на обе лопатки разложила. Дай волю такой, найдет то, чего и искать не надобно. Что такого найдет-то?

А те самые деньги в тайнике, которые он сам порой ищет и найти не может. Деньги те у инкассаторов несколько лет назад отобраны были. Инкассаторов напарники постреляли, напарников самих ОМОН положил всех в перестрелке. А Степушкину тогда удалось скрыться. За рулем машины он был тогда, когда привлекли его на это дело по случайному случаю. Профиль-то был не его, так вышли на него случайно знакомые знакомых, порекомендовали. Его и взяли с собой на тот случай, если вдруг замок у инкассаторской машины вскрывать придется. Оговорили процент, его устроило, он согласие свое дал.

Замок вскрывать не пришлось. Инкассаторов положили, не сходя с места. Сумки с деньгами беспрепятственно в машину покидали, за рулем которой он сидел. Велели ему уезжать дворами. Встретиться должны были вечером в условленном месте. Он и уехал. И ждал потом добросовестно. Никто на стрелку не приехал. Ни этим днем, ни потом. Он целую неделю, как дурак, ездил туда, никто не явился. Потом уже из новостей узнал, что всех участников положили в перестрелке.

Трусил тогда Степушкин отчаянно и долго. Так и думал, так и ждал, что вот-вот на него выйдут. От каждого стука в дверь вздрагивал.

Не вышли на него! Никто его не сдал, если и остался кто из тех, что могли. Об оставшихся в живых и уцелевших в той перестрелке сведений ни-

каких не было. Ни на воле у блатных, ни в тюрьме. Стало быть, всех положили тогда. А про него менты так и не узнали. Степушкин деньги-то тогда припрятал в доме, где еще тетка его престарелая проживала, и поспешил сесть за совсем дурацкую кражу. Надо было сесть ему тогда, очень надо.

Для всех он какую легенду сочинил?

Да вот на сумку бабки старой позарился, потому как денег не было ни копя. Дело с инкассаторами не выгорело. Он прождал на машине за домами, а к нему никто не вышел, и сумки где с миллионами, он знать не знает. Потому вот и бабку обворовал, жрать-то на что-то надо.

Это он так блатным объяснял, клялся и божился, зуб давал. Вроде поверили, отстали. На зоне жил не тужил. Все больше слушал. А вдруг слух какой выползет про грабеж тот с перестрелкой? Может, взяли тогда менты кого? Может, осудили даже?

Нет, не было суда по тому громкому делу. И денег, болтали, не нашли. И участников ограбления, по разговору, всех перестреляли.

Степушкин долго потом еще дергался. И после сумки той бабкиной отсидел еще пару раз. Однажды за телефон мобильный, что совсем глупо было, но ему и срок дали смешной. А последний раз как раз вот за то самое добро, что у антиквара подрезал.

О деньгах с инкассаторской машины будто бы и позабыли. И, выждав пару лет после освобождения, Степушкин начал ими потихоньку пользоваться. Потихоньку, не внаглую. Он же умным был и стратегом неплохим. Понимал, что ежели начнет деньгами сорить, то сразу его почикают и свои, и менты, серии и номера похищенных денсредств

наверняка были зафиксированы банкирами. Сразу все поймут, куда деньги те подевались. И не простят уже ни за что ему его самодеятельности и того, что на общак не отстегнул. И жить ему тогда останется часа полтора, а то и того меньше.

— Так что, Георгий Иванович, не станете говорить, так? — Дарья улыбалась понимающе. — И лгать вам неохота, потому как одна ложь повлечет за собой, несомненно, другую, и это все запутает. А всей правды вы мне говорить точно не хотите.

— А не хочу! — выпятил острый подбородок Степушкин, приложил два вытянутых пальца к несуществующему козырьку. — Бывайте здоровы, девушка. О просьбе моей забудьте. Не был я тут никогда.

— О как!

— Именно так, и никак иначе.

Степушкин вышел в чистенький коридорчик, прошел сквозь охрану, спустился тремя ступеньками с крыльца. И пошел по улице, без конца беспокойно оглядываясь.

Да, совершил просчет он, точно. Первый раз, наверное, просчет совершил такого плана. Не нужно было в ментовку идти, а потом и сюда, к девчужке этой симпатичной. Ну, осерчал, что цацки у него подрезали, с кем не бывает. Ну, побесился, наорал на пустой дом, побегал по комнатам, и это случается.

Зачем, зачем было в мусарню-то топать?! Все слил! Всю информацию на самого себя слил! Про добро то антикварное он ведь тоже скрывал ото всех. Втягивал голову в плечи, виновато улыбался паханам и гнул, что менты то добро по себе растащили, а на него все спихнули. Потому и впихнули его в камеру, и его отпечатков по всей квартире во

время следственного эксперимента наставили, чтобы самим под суд не идти.

И снова его слово оказалось в законе. Сидит же человек, срок мотаает, стало быть, все так. А менты, они ведь на всякое горазды.

А теперь что?!

А теперь вариантов у Степушкина оказалось десятка полтора.

Мог тот следак с противными глазами его братве сдать. Мог своим же операм, чтобы те дом его навестили и пошерстили там как следует на предмет обнаружения неучтенки. Могла и девчужка симпатичная его по всем каналам пробить и тоже начать как-то действовать.

Ох-ох-ох, стареет он, хватку совсем потерял. Далось оно ему, добро это! Украли и украли, хрен бы с ним! А ему вдруг жалко его стало, а он вдруг справедливости захотел. Точно что-то не то ему в вену налили в последний лечебный курс в дурке. Может, какую сыворотку правды влили, что он с милицией решился откровенничать так по-глупому.

Ладно, сейчас он домой доберется, душ примет, в кухне сядет и покумекает сам с собой. О чем? Да о том, к примеру, на что ему девчужка симпатичная намекала.

Кто из его постоянных гостей мог пронюхать про цацки? Кто-то подглядеть сумел, когда он их доставал? Или, может, фотографии случайно увидел? Хотя фотографии те увидеть можно было, если начать рыться в его шкафах. Значит, кто-то и рылся. А кто?

Надо было составить список этих постоянных гостей — раз.

Потом надо было вспомнить, кто к нему случайно забредал в последние несколько недель — два.

И три...

Три, надо будет поспрашивать у соседей, не было ли гостей в его отсутствие? Он хотя и собственные меры предосторожности принял накануне того дня, как ему в больницу лечь. Электронике он не доверял. Сам не мог ничего такого, а пускать к себе в дом постороннего с тем, чтобы тот установил и настроил ему как следует камеры слежения, считал излишним.

Во-первых, сразу подозрение. С чего это в деревенской хате дряхлый мужик камеры устанавливает? Чего или кого боится? Красть-то особо нечего. Не нищенствует, конечно, но и богачом не называть. Подозрительно...

Во-вторых, этот специалист как установит, так потом и обойти сумеет эти камеры слежения. И захочет-таки узнать, с чего мужику такие меры безопасности понадобились.

Нет, опасно это и расточительно.

Оставил он по старинке на каждой раме и двери по приклеенному волоску и, что самое странное, обнаружил все потом, как и было. Стало быть, никто не проникал в дом в его отсутствие. А добро-то пропало! Все украденное им у антиквара будто растворилось! Как?! Каким образом?! Все его «пломбы» на месте, как такое могло быть?

А это — четыре, значит, могло означать что-то одно из двух: либо выкрали добро накануне его отъезда, то есть вечером или ночью. Либо кто-то знал о его мерах предосторожности и потом вернул все волосяные «пломбы» на место.

А кто это мог сделать? Только тот, кто его хорошо знал. Преотлично просто знал. И привычки его, и расписание, и похоронки разные.

А кто его хорошо, преотлично просто знал?

Степушкин почесал отросшими ногтями лысую макушку, прикинул так и сяк.

А никто! Никто его так не знал и знать не мог. Друзей из прошлой жизни не осталось. Он же завязал, его и не трепали. Даже когда на улице случайно сталкивались, одним кивком головы обходились. Да и сторонились его, чего уж. В дурдоме курс за курсом проходит, чего ждать от общения с таким?

Степушкина это вполне устраивало, более того, он сам о себе слухи один неприличнее другого распространял, чтобы никому не повадно было с ним дружбу водить.

Бабы, с которыми он вязался, тоже не знали его так досконально, чтобы уметь мысли его читать и секреты все распознавать.

Кто же мог влезть в его дом и украсть антиквариат? Кто?!

ГЛАВА 2

Маша сновала с кухни в спальню, из спальни в кухню, все что-то примеряла и примеряла на ходу. Швыряла юбки с кофтами на широченную кровать, снова лезла в шкаф. При этом она со старательной беспечностью напевала себе под нос мотив непонятный и надоедливый и настырно не смотрела в сторону комнаты дочери.

Подумаешь, матери та взялась указывать! Мала еще, чтобы вещи такие ей говорить! Еще и семнадцать не исполнилось, и до совершеннолетия полтора года почти, а она матери вздумала мужиков выбирать.

Как это она сегодня с утра ей выдала? Какие-то хлесткие и обидные слова, дай бог вспомнить бы...

«Ты, деревенская клуша, разве не понимаешь, что этому ухарю ты не нужна?!»

Да, кажется, так вот прямо и сказала. И добавила еще, что видела этого ухаря еще и с другими женщинами их села. И что с ними он также был общителен и вежлив. А Таньке Востриковой вчера так вообще букет подарил.

Про букет Маша не верила, это дочка нарочно сказала, чтобы ее позлить. Где их взять, букеты-то, сегодняшним летом? В палисадниках все от солнца погорело, даже мальва не проклюнулась, а бывало, таким частоколом опоясывала деревню, что хоть косарей запускать. В лесах и на лугах тоже ни лютика, ни травки. В город он не ездил. Незачем было, продуктов они еще три дня назад закупили вместе недели на две. Чего ему было делать в городе-то? За букетом, что ли, поедет специально! Умора просто! Для кого, для Таньки, что ли, Востриковой букет станет покупать специально в городе?! Ага, щас, растопырится! Только для того и поселился в их селе, чтобы всяким шалавам малолетним в город за букетами мотаться.

Это брехня, чистой воды брехня. Это дочка нарочно так сказала, чтобы Маше настроение испортить. Немного удалось, чего уж душой кривить. Затихла ненадолго. Но потом снова по дому запорхала.

Кто бы что ни сказал, она от такого мужика ни за что не откажется. Даже ради дочки не откажется.

А что ее новый знакомый с другими женщинами общается, так что за беда?! Они еще друг другу никто, знакомые хорошие просто. Даже еще и переспать не успели, знакомы-то всего ничего. Торопиться не хотела ни Маша, ни он. Очень порядочными были на этот счет его взгляды.

Покойный папочка ее милой доченьки при живой жене не стеснялся по бабам чужим мотаться. Из одного двора в другой двор, из одной квартиры в другую. Ни стыда ни совести. А жена ведь была у него, молодая, красивая и до любви жадная. Нет, мало ему все было. Вынь да положи чужую! Так и домотался до гробовой доски. Кто-то темной улицей зимней ночью башку-то ему и проломил.

Пытался участковый найти убийцу, да толку что? Смело можно было в подозреваемые любого мужика на деревне записывать. Благоверный ни одной юбки, кажется, не пропустил. К одной Таньке Востриковой, наверное, и не попал. И то по молодости ее лет. А так бы сей пострел и там поспел.

— Санька, подойди сюда.

Маша прервала мурлыкающее пение, присела на край кровати, заваленной нарядами.

— Чего тебе? — угрюмо отозвалась дочь Александра.

— Подойди сюда, разговор имеется.

Сашка через минуту выросла на пороге, оперлась о притолоку. Маша невольно залюбовалась. Высокая, грудастая, с длинными, в пояс, волосами и неестественно синими, будто искусственными, глазищами вполлица. Местный библиотекарь прочил ей модельный бизнес. Все суетился. Писал куда-то по электронной почте. Посылал Сашкины фотографии на какие-то отборочные туры. Даже номера телефонов какие-то совал ей без конца. Только Саша отмахивалась и номера те не брала.

— У меня будет другое будущее, дядя Володя.

— Будущее?! Какое будущее у тебя может быть тут, деточка, в этой-то лапотной глуши?! Выйдешь замуж за такого же, как твой отец. Станет пить, бить, гулять. Красота твоя померкнет и...

— Я не выйду замуж без любви, — гнула Саша, не успевшая еще растерять детские свои фантазии о принце. — И в глуши можно жить счастливо, дядя Володя. А модельный бизнес... Так не могу я быть такой, как они.

— Какой?! Какой, как они?!

— Беспринципной! — фыркала Машина дочь.

Что да, то да, принципиальности в Сашке было на четверых. Как не смогла простить своего одноклассника, с которым дружила с детства, за то, что тот шутя поцеловал их общую знакомую, так теперь не прощала матери и ее нового ухажера. Уперлась и молчит. Молчит и недобро ухмыляется. А если и скажет что, так уж лучше бы молчала.

— Сашок, присядь, милая, — Маша похлопала по меховому покрывалу, наброшенному на кровать. — Присядь, что скажу.

Дочь нехотя подошла. Присела. Но головы в ее сторону не повернула. Уставилась в окно, будто там что-то новое к их березе приросло.

— Я хотела сказать тебе, что...

— Что? Снова собираешься к нему на свидание? — Саша небрежно толкнула локтем кучу одежды, которую Маша забраковала перед этим. — Смешно!

— Ну, вот что смешно, Сашок? Что смешно?!

Маша старалась говорить тихим нежным голосом, как всю свою жизнь только с дочерью и разговаривала. Но в груди заныло, запекло.

Ну почему она с ней так? Почему?! Она что, должна в свои тридцать семь лет похоронить себя заживо в своем коровнике? Месить до конца дней своих резиновыми сапогами грязь осенью и весной, зимой сопли морозить, пробираясь сквозь сугробы на работу. Этого она хочет для матери?

— Я говорила тебе, давай уедем в город, — напомнила дочь, выслушав от матери ее жалобы. — Бабушка когда еще звала. И сейчас не поздно. Квартиру она мне подписала. Она ждет.

— Кто ждет? — уставилась на нее потемневшими глазами Маша.

Она вдруг с раздражением поняла, что все ее уговоры тщетны. Дочь никогда не примет ее влюбленности. Никогда не порадует за нее. Может, завидует? Может, она сама влюбилась в этого человека, а матери нервы мотает? А что?! Почему нет?! Сердце ее, Сашки, свободно, и уже давно свободно. Кто-то позванивает ей, но, кажется, это все несерьезно. Возраст как раз тот самый для любви. Новый знакомый пару раз заходил когда, очень вежливо и интересно говорил с ней, они даже улыбались друг другу.

Может, вот она, причина-то?!

— Кто ждет нас, Саша?

— Не кто, а что, — поправила терпеливо дочка. — Квартира в центре города нас ждет, ма. Хорошая, просторная квартира.

— Рухлядь! Была я в той квартире! — вспылила Маша.

Всякое напоминание о царском жесте бывшей свекрови всегда выводило ее из себя, всегда заставляло не забывать, что был, был у нее когда-то в мужьях ее сын. Помер потом бесславно, правда. Но мать-то его одинокая осталась. И звала их к себе, настойчиво звала.

Маша гордо отказалась.

Свекровь привечала Сашу, забирала на каникулы к себе. Пыталась даже в городскую школу пристроить. Маша воспротивилась. Потом свекровь тяжело заболела, за ней требовался уход. Маша не

поехала. Саше тоже не позволила. И та тайком, как могла, сбегала время от времени поведать бабушку.

Ухаживали до самой ее смерти за пожилой женщиной чужие люди.

А квартиру она — вишь, какая благородная — все равно оставила Саше. Этим потом не раз кололи глаза соседки. Этим не раз укоряла сама себя и Маша, но время вспять не повернуть. Оттого и неприятны были любые напоминания о таком щедром подарке.

— И ничего не рухлядь. Три комнаты! Целых три огромные комнаты!

— Пол сгнил. Отопление все менять. Двери в щелях. Стены, потолки потрескались. Там ремонта на сотни тысяч. Они у нас есть? — Маша без устали загибала пальцы.

— Можно просто прибрать там и пожить пока так. — Саша надула губы, потерявила ворох материнского тряпья. — А тут у тебя какое будущее с этим?! Что ты вообще о нем знаешь? Кто он? Откуда? Что у него в душе?

— В душе! — фыркнула Маша невесело. — Я с твоим папашей вон сколько лет прожила и то не разобралась, что в его душе! Что за струны такие чужие бабы трогают, что он мимо родного дома всякий раз шастает! Душа! Ты о высоких-то материях меньше бы думала и мечтала. А вот... Вот продать ту квартиру вполне можно и на эти деньги будущее тебе сделать.

— Нет! — Саша резко соскочила с кровати. — Об этом даже не думай. Это он тебя надоумил, да? Твой хахаль?

— Не смей его так называть! — Маша повысила голос, что случилось за их жизнь раза два, навер-

ное, не больше. — Он приличный человек, который... Который собрался сделать мне предложение.

— Ух ты! — Саша насмешливо скривила рот, а синие глазищи вдруг наполнились слезами. Того гляди, заревет. — Это он тебя так предупредил, да? Мария Николаевна, ждите, ждите, скоро, совсем скоро я сделаю вам предложение.

— Дурочка ты, Санька.

Маша вытянула из груди одежды за рукав розовую водолазку. Прикинула так и так, решила, что под ее новую белую юбку и к ее светлым волосам будет как раз кстати. Отложила ее в сторону. Глянула на дочь с обидой:

— Мне, может, сам господь такого человека посылает, Сашенька. За все мои страдания и ревность многолетнюю, такого вот милого и порядочного. А предложение он мне уже сегодня сделает.

— Чего это вдруг? Откуда такая уверенность? — Саша отвернулась и пошла к себе.

— Потому что он просил, чтобы я осталась сегодня у него до утра, — выпалила ей в спину Маша и тут же с облегчением выдохнула.

Ну, наконец-то сказала, что боялась выговорить. Наконец-то нашла в себе силы. Все не знала, как подступить к дочери, как сообщить ей, что не придет на ночь домой. Ну не отпрашиваться же было у нее, в самом деле.

— И ты останешься?!

Узкая спина дочери вытянулась в струну, плечи развернулись, голова откинулась назад. Девочка замерла на пороге ее спальни и стояла так, не поворачиваясь, долго. Молчание ее было утомительным для Марии. Знала, что ничего доброго дочь ей не скажет. Это снова долгие разговоры, а то и слезы.

Все! Надоело! Она не хочет ничего этого, устала!

Она просто хочет быть счастливой, и все. Разве это не понятно? А убеждать кого-то в чем-то она замаялась за свою жизнь.

Маша со вздохом глянула на часы. Время поджимало. Надо было собираться. Заставлять ждать себя она не любила. Тем более заставлять себя ждать такого человека! И огорчать его не хотелось. И выпендриваться лишний раз было не резон, спрос на него в их селе о-го-го какой был.

— И ты останешься у него на ночь?! — снова повторила Саша, все так же стоя к матери спиной.

— Да, я останусь. И давай закончим на этом.

— Давай закончим! — вдруг резко взвизгнула Сашка и повернулась.

Господи! Такими страшными ее синие глазищи не были никогда. Такими Маша их вообще ни разу за неполных семнадцать дочериних лет не видела. Ненависть, гнев, брезгливость, что-то еще нечитаемое и очень опасное таилось теперь в них. Аж поежилась, до того взгляд дочери был ужасен.

— Что? — Маша попыталась улыбкой вернуть прежний хрупкий мир. — Что смотришь?

— А ничего! — Крепко стиснутый кулачок дочери с силой ударил в притолоку. — Останешься с этим хлыстом на ночь, так и знай...

— Что? Что я должна знать, Саша? — Она теперь уж без стеснения глянула на часы и взглядом указала дочери на дверь.

— Меня у тебя больше нет, поняла?! Нет у тебя больше дочери! А у дочери нет больше матери. Все!!!

Она резко повернулась и выбежала из материнской спальни. Потом громыхнула дверь ее комнаты, через пару минут входная дверь, а потом ржавым скрипом взвизгнула калитка.

Умчалась куда-то.

Маша встала с кровати, подошла к окошку. Сашки уже и след простыл. Нигде на улице не видно. В три прыжка куда-то удрала. А чего бесится-то? Чего? Ревнует мать к незнакомому дяденьке? Или, наоборот, дяденьку ревнует к матери? Так то ее право. А Маша вот оставляет за собой право быть счастливой. Пусть даже и такой ценой.

Дочь на нее надулась, подумаешь! У кого в семье такого не бывает? Если не бывает, значит, это не семья. Бог с ними, с ссорами. Ей сегодня нужно выглядеть красиво. Быть соблазнительной и нежной. Да, розовая водолазка как раз кстати будет. Ее цвет.

Маша метнулась от окошка к зеркалу, приплюснула водолазку к груди, горлышком обхватила шею. Покрутилась.

Красиво! Ей идет. И вообще, она еще очень красивая и молодая, что бы там Сашка ни выдумывала. И под руку с этим мужчиной она будет еще краше и достойнее. Устала от шепота в спину. Устала от пустых зимних вечеров. От пустой холодной кровати и от пухлой подушки на соседней половине, которую порой поглаживала и обнимала вялыми со сна руками.

К черту все! Она сегодня идет на важное свидание. Может, самое важное в ее жизни. Все остальное пускай катится к чертям собачьим.

Не дочь, конечно же, нет. Ее принципы и упрямство. У Маши своего добра полно такого.

— Сегодня или никогда, — шепнула она себе и, похватав с полок шкафа нижнее белье, двинулась в кухню, где за клеенчатой шторкой еще прежним мужем была установлена ванна.

ГЛАВА 3

— Данечка, Данечка, миленький, проснись. Пожалуйста, проснись, миленький, тебе звонят...

Нежный голос его Леночки не будил, нет. Он обволакивал. Он убаюкивал, он делал его сознание, да что сознание, его всего ее голос делал мягким, податливым, безвольным...

«Ой, смотри, Данилка, горя ты с этой лисой хватишь, — предупреждаяще брюзжала четыре года назад его мать, когда он сообщил ей, что жениться собрался и Леночку к ней в дом привел познакомиться. — Такая она вся...»

«Какая? — сиял он на мать безумными от невероятного счастья глазами, тискал ее полные плечи, прижимая к себе. — Какая, мать? Леночка, она же... Она же ангел!»

«Знаем мы ангелов таких! — сердилась мать и вырывалась из его рук. — Такие-то ангельским своим лисьим голоском да лаской либо в могилу сведут, либо в долговую яму посадят!»

«Ма, ну чего ты мелешь?»

Даниле не хотелось обижаться на мать. Родной человек все же. Пускай с тяжелым характером, но мать же. Столько сил в него вложила и все такое. Но и Леночку ему в обиду давать не хотелось. Матери только волю дай, гусеничным трактором прокатится по их отношениям, камня на камне не оставит, все перетряхнет и на свой лад сложит.

Нет, он так не хотел. Было уже, не раз было и с Валями, и с Танями, и с Наташами, и с Маринами. Никто ей был не угоден. То не хозяйственная, то жадная, то распутная и завистливая. Так получалось, что мать оказывалась права и Данила со вре-

менем к избранницам остывал. Но вот что касается Леночки...

Тут он точно не отступит. Ни за что не отступит.

Да и не было у матери ничего против нее. Ничего! Нежность Леночки не понравилась? Ее преданность? Осторожные манеры? Что не хамит и глаза на свекровь с вызовом не таращит?

Да ради бога! Его-то все это как раз и устраивало.

«Вот увидишь, станет из тебя веревки вить! Подкаблучником станешь, глазом не моргнешь!» — гнула свое мать, но стол за знакомство собирала тем не менее.

«Так отец мой всю свою жизнь до смерти самой был подкаблучником, и ничего, жил счастливо вполне, — напомнил ей Данила и поцеловал мать в висок. — Я люблю ее, ма. Не прошу, конечно, чтобы и ты ее полюбила, такого, говорят, не бывает в природе, но смирись. Другой не будет!»

Мать отвернулась и зашмыгала носом. Так случилось всегда, когда отца вспоминали. Они прожили вместе тридцать лет, прожили душа в душу, хотя отец иногда и называл мать в шутку гренадером в юбке, а себя несчастным подкаблучником. Говорить-то говорил, а вот от Настюшки своей никуда. И умирал когда, только о том и печалился, как же она без него жить станет.

«В природе у него не бывает, ишь, — зло зафыркала мать, но не злилась — нет, так просто фыркала, чтобы слезы свои скрыть. Проявление собственной слабости для нее было очень болезненным. — На вот, тарелки на стол неси, умник. В природе у него не бывает... В природе, может, и не бывает, а меж нас, может, все и срастется. Только ты уж тоже не подкачай...»

Он и не подкачал. Так и продолжал любить свою Леночку, с той же силой и страстью, как с первого дня. И баловал, и позволял вить из себя веревки, и капризы сносил. И все славно у них складывалось, и ни о каких могилах или долговых ямах речи не было и быть не могло. Да и мать сама спустя какое-то время к Леночке привязалась, дочкой только и называла. И все внуков клянчила...

— Данечка... Данечка, милый, проснись, тебе звонят! — Горячие губы жены дотронулись до щеки. — С работы звонят, милый.

С работы? Почему с работы? Сегодня же...

Точно воскресенье! Он сегодня не дежурил, только вчера сменился. На работу только завтра. Чего звонят? Не иначе ЧП какое-нибудь, чтоб его! Ну не дадут человеку отдохнуть и семейным покоем насладиться. Они сегодня с Ленкой мечтали дома побыть, поваляться подольше в кровати, потом вечером сходить в кино, можно было и до матери прийти. Она недалеко от них жила, зазывала давно, а им все недосуг.

Можно, можно было бы и к матери зайти, и к друзьям, те тоже отчаялись заполучить их в гости. Да где же тут! Работа, будь она неладна!

Данила вздохнул, настырно не желая открывать глаза.

Работа была ни при чем. Работу свою он уважал. Сильным она его делала, значимым, полезным. Что бы там ни говорили теперь, думать по-другому он не станет. Работу свою он уважал. И всегда думал, что если не он, то кто же. И раздражался сейчас не на работу, нет. Это он по неосторожности так спросонья. Раздражался на уродов, что жизнь людям ломают. И тем, которым несчастье принесли в дом, и тем, которых от дома отлучают.

Его сегодня очередь.

— Данечка, ты не спишь, — шепнула в самое ухо Леночка и тихонько рассмеялась. — Ах ты, хитрец-удалец. А его бужу, бужу, а он притворяется. Иди, звонят тебе.

— Сказала бы, что меня нет дома. — Данила поймал жену за пижамные штаны, притянул к себе, зарылся носом в ее светлые волосы. — Чего ты как маленькая? Теперь не поваляемся, в кино не сходим, в гости тоже.

— Врать не могу и тебе не советую, — строго прервала его нытье Леночка. — Да и сам потом мучился бы весь день, что там да как. В гости вполне успеть можем, если ты соберешься быстренько.

— Опять ты одна в выходной день, милая.

Ему жалко было жену, без дураков, серьезно жалко. Редкий праздничный день, редкий выходной обходился без экстренных вызовов на работу. И ей приходилось сидеть и ждать его, волноваться и ждать. С ума сходить от тревоги, когда телефон его не отвечал, и снова ждать.

— Доля моя такая, Данечка, — Лена вырвалась и потянула его за руку с кровати. — Давай, давай, не тянись, там тебя ждут. Я несю телефон?

Звонил коллега по службе. Звонил уже из отдела. Зевал во все горло, матерился и не пытался скрыть своего раздражения.

— Твою мать, а, Данил! В кои-то веки собрался на балконе порядок навести, а! Вчера со своей так тихо, мирно все обговорили. Она даже пирог мне испекла мой любимый.

— Яблочный? — Данила резво собирался, прижимая щекой трубку к плечу.

— Яблочный! Такая счастливая порхала. Говорит, на балконе разберемся и к сыну в лагерь съез-

дим. Он же у меня на отдыхе в оздоровительном санатории за городом. Уже восемь дней не видел! Жена ругается, говорит, из-за твоей чертовой работы все сироты, и я, говорит, и дети. А дочка, какая же она сирота, если у нее жених есть? Тут явный перебор у супруги. Ну что за сволочуга?!

— Кто?

— Что кто? — Коллега зевнул с хрустом.

— Сволочуга кто?

— Тот, кто телку завалил в районе!

— Ух ты!

— Вот тебе и ух ты!

Данила болезненно поморщился: убийство это надолго. Это опрос свидетелей, а их вся деревня, если это в районе случилось. Это писанины — страсть сколько. Это туда еще добраться нужно на чем-то, хорошо, если транспорт дадут. Это нужно еще всех дожидаться — экспертов, прокурорских.

Да...

Не случится у них с Леночкой сегодня гостей. Точно не случится. И домой он приедет поздно. Голодным приедет, злым, как собака. Станет глотать ужин, который она приготовит и раз десять подогреет в микроволновке, пока ждать его станет. Зло глотать станет, жадно, глаз на нее не поднимая. И выговориться бы надо в такой ситуации, да зарок себе дал: дрянь всю эту в дом не тащить.

— Огнестрел, ножевое?

Данила нацепил с третьей попытки часы на запястье, сунул ноги в туфли, перехватил из рук жены пакет с бутербродами — умница, догадалась. На ходу поцеловал ее и выскочил за дверь.

И уже выходил когда из подъезда, подумал о себе нехорошо. Почему было не отвлечься от телефонного разговора и не проститься по-человече-

ски с Леной? Все на ходу, все торопливо, урывками. Такое ли счастье он мечтал ей подарить? Каково вот ей рядом с ним, а? Никогда не задумывался, а тут вдруг пробрало до такой степени, что сердце заныло. Остановился посреди двора, поднял голову к своим окнам.

Леночки не было.

И снова неприятный толчок в сердце: а раньше всегда провожала, всегда рукой махала из окошка. Привыкла к его отлучкам? Научилась не делать из этого трагедию? Или...

Или ее это начало устраивать? А что? Многие мужики из отдела рассказывают, что жены с годами привыкают и уже как-то не печалются тому, что муж отсутствует.

«Особенно если ей есть чем досуг занять! — ржал тут недавно один капитан, проживший с женой двадцать три года. — У кого дети, у кого внуки, а у кого и еще кто-нибудь может завестись».

«Заводятся только блохи, капитан, — оборвал его тогда коллега Данилы, так и не успевший навести порядок на балконе. — А если ты на любовника намекаешь, то тут что муж рядом, что нет его, если баба тварь, ей никто не помешает ею быть! Она его все равно заведет. А если она верная...»

И тут пошли всевозможные примеры из жизни бывалых. И как кто-то где-то отсутствовал полгода, а жена все равно ждала. А один через день вернулся неожиданно из командировки, а ее дома нет, и заявила она лишь под утро. Потом начали спорить, дело чуть до ругани не дошло, хорошо, что вовремя разошлись.

А осадок в душе Данилы остался. И Леночку жалко было, и себя вдруг. Он же на работе, он же не

просто так. А работа нелегкая и опасная очень. Вот и не помахала рукой ему сегодня из окошка...

Коллега заехал за ним на своей машине, служебный транспорт уже ушел с прокурорскими и экспертами, пока Данила долго в постели ворочался.

— Все никак к Ленке своей не привыкнешь? — покосился на него коллега с легкой завистью. — Погоди, пройдет это у тебя. Сколько вы с ней вместе то? Год, два?

— Четыре, — нехотя ответил Данила.

Личную жизнь свою он ни с кем обсуждать не любил. Не впускал он туда никого ни с благими намерениями, ни без них.

— Еще полтора года встречались.

— Нормальный срок, конечно, — покивал тот. — Но недостаточный для того, чтобы делать какие-то выводы.

— А каких выводов ты ждешь? Толик, чего ты вообще пристал, а? — Данила отвернулся от него к окошку, стал смотреть на улицу.

Жара понемногу отступала, сизый дым от лесных пожаров выметало из города легкими порывами ветра. Вчера ближе к ночи даже дождик побрызгал. Облегчения, конечно, не принес, воздух из сухого и горячего сделался влажным и неподъемно тяжелым, но немного хотя бы пыль дождем прибило, и на том спасибо.

— Толик к тебе не пристал. Толик просто злится, что пришлось идти в гараж за этой рыдванью, заводить ее, заливать в нее свой бензин на свои копейки, Тамарка не дала денег, пришлось брать из заначки. А все почему? А все потому, что кто-то слишком много спит. Или потому, что кто-то слишком любит свою жену.

— Это не преступление, — вяло огрызнулся Данила. — Затраты возмещу.

— Ладно тебе, затраты он возместит! — обиделся тут же Толик. — Это я ведь так, из вредности ворчу. Нужны мне твои гроши! Свадьбу дочери я на них все равно не сыграю. Да и вообще..

— Что вообще?

— Вообще не сыграю, — выдохнул тот с печалью. — Как обсчитали нам с Тamarкой в ресторане, во что торжество то выльется, так хоть с балкона прыгай. А балкон-то не разобран, черт побери! Да... Что делать? Таких денег у меня нет, хоть тресни!

— Дорого?

— Не то слово! Она вот, Ленка-то твоя, правильно делает, что с детьми не спешит, это дорогое нынче удовольствие. Очень дорогое! Нам с тобой точно не по карману.

А с чего это Толик решил, что это именно Лена с детьми не спешит?

Данила обеспокоенно заворочался.

Они, конечно, не планировали пока детей, но если бы вдруг неожиданно случилось, то он бы точно был рад. Настаивать не мог, пока она молчала, понимал, насколько тяжело ей будет одной с ребенком, он-то постоянно на работе. Но и не отказался бы уж точно.

Но Лена ведь молчала. С чего Толик взял, что именно она не спешит заводить детей? Спросить или нет? Не спросить, будет мучиться до конца дня. Так день насмарку, и вечер обещал быть серым с усталой злобой. А тут еще недомолвки разные мозг вынесут.

Нет, надо спросить.

— Так она моей Тamarке сама говорила, — засопел виновато Толик, поворачивая скрипучий та-

рантас с проспекта за город. — Где-то они столкнулись в магазине, пошли кофе выпить в кафе. Разговаривались за жизнь. Моя начала стонать, как все нынче дорого. А твоя в ответ — потому-то и потому детей не заводим. Данечка, говорит, все время на службе. Одной тяжело. Да и не по карману жить на одну зарплату мужа. Зарплаты-то той!..

Лучше бы уж не спрашивал. Лучше мучился бы неизвестностью, чем такими неприятными новостями. Леночка — его милая, молчаливая жена — стала говорить о таких сокровенных вещах с посторонним почти человеком?! Она же Тамарку ту раза три всего и видела за совместную жизнь с Данилой. Чего это вдруг стала говорить с ней о планах своих, обсуждать зарплату мужа.

— Ладно, проехали, — проговорил Данила, стараясь не показывать вида, насколько неожиданными и неприятными явились для него откровения супруги. — Что там по трупу?

— Труп женский. Молодая женщина, тридцати семи лет от роду. Но это не точно. Точных данных нет пока.

— Огнестрел, ножевое? — повторил свой вопрос Данила.

— Тоже не совсем понял. Нашли рыбаки в траве возле пруда. Участковый будто бы звонил, верещал, говорят, как баба. Трупа, что ли, ни разу не видал? — фыркнул Толик.

— Может, и не видал. Может, к погибшей чувств теплые питал. Может, родственница его. Может, просто нонсенс такая смерть для тех-то мест.

— Началось! — простонал Толик и засвистел тут же что-то себе под нос, давая понять, что разговор окончен.

Ни для кого в их оперотделе не было секретом,

насколько плодовитым был Данила на версии. За минуту буквально с десятков наговорит. Вроде и неплохо, никому больше голову не надо ломать. Вроде и начальство такой его плодовистости радовалось. А в разработку пускать? А по городу, высунув язык, носиться? И девять-то из десяти непременно пустышкой окажутся, а то и все десять из десяти.

Данила придумывал дальше, они продолжали носиться с удвоенной скоростью, и история зачастую повторялась. Вывод? Вывод напрашивался сам собой — не надо спешить. Никогда не надо спешить и чего-то там придумывать, додумывать, сочинять. Жизнь, она ведь штука интересная, она сама все по местам своим расставит.

Что бегай, что не бегай, результат один...

Участковый встретил их у сельской управы. Китель был надет на клетчатую летнюю рубашку, без фуражки, в спортивных штанах и тапках на босу ногу.

— Совсем, что ли, охренел, так вырядился, Степаныч? — Толик покрутил головой. Участкового он знал давно, потому мог особо и не церемониться. — Сейчас начальство вдруг пожалует, а ты при маскараде таком!

— Не пожалует. Прокурорские и эксперты и те пока едут. Обстоятельства дела узнали и не спешат. Звонили, решили позавтракать где-то по пути, говорят, потом хрен получится. Вы первые приехали, — пахло на них густым стойким перегаром из открытого рта Степаныча.

— А что за обстоятельства? — Данила неприязненно покосился на участкового и не удержался от совета: — Ты китель бы снял, что ли.

— А что? — Степаныч вдруг зло прищурился. — Боишься честь мундира замараю?!

— Боюсь!

— А ты за мой мундир не парься, парень, — пожилой мужик вдруг начал застегивать китель на все пуговицы. — Я его уже хрен знает сколько лет ношу и не опозорил ни разу. Мзду не беру, с бандитами дружбу не вожу, уголовников не покрываю. А что выпил вчера, так полное право имею, выходной день у меня. И праздник к тому же, сынок приехал в отпуск.

— Такними его тогда вообще! Чего как клоунто, в самом деле, Степаныч! — заступился за Данилу Толик и начал стаскивать с покатых плеч участкового китель, к слову, идеально вычищенный и отутюженный. — Чем сынок-то занимается, Степаныч? Что-то ты мне о нем не говорил никогда.

— Сынок у меня в Москве большой начальник на заводе каком-то. — Степаныч послушно стоял, не шевелясь, позволил снять с себя китель, не воспротивился, когда Толик его в машину свою убрал. — Три года дома не был, все звонит только. Звонит, правда, каждый день, обижаться грех. Но повидаться-то охота, так ведь? Вчера вот приехал, сразу за стол. Как не выпить? Выпили, повспоминали, посмеялись...

— Опять выпили, — ехидно вставил Данила.

Что-то раздражало его сегодня все. И участковый этот помятый, и китель его старенький, выскобленный до идеального состояния. И деревня ему их не понравилась с первого взгляда. Как-то угрюмо все, безлюдно. Ни детворы, ни старушек возле сельпо. Время к полудню, а у них шторами окна занавешены. Даже кур, вечно барахтающихся в придорожной пыли, не видно.

— Да, опять выпили! — с обидой вскинулся Степаныч и покосился на Данилу. — Умный тоже! Вот погоди, сын твой подрастет да из дома уедет, посмотрю, как ты встречать его станешь. Сын или дочь?

— Что? — Данила вздрогнул от прикосновения сухих горячих пальцев Степаныча к своему локтю.

— Сын, говорю, у тебя или дочь?

Участковый смотрел на него внимательно и с сочувствием. И это вот самое сочувствие, непонятно чем вызванное, еще больше взбесило Данилу.

Чего, собственно, лезет? Чего надо-то? Сын у него или дочь, или нет вообще никого, какое ему дело-то?! А нету у него никого, нету, понятно!!! Зарплата у него небольшая, и дома его постоянно не бывает. Разве при таком положении вещей возможно заводить детей?! Что вы, боже упаси! При таком положении вещей дети — это роскошь! Непозволительная роскошь! Леночка так вот прямо и проговорила это в чужие уши, игнорируя собственного мужа.

Участковому из деревни с его крохотной заработной платой, десятком кур, теленком и тремя козами можно иметь сына. И даже выучить его возможно, не просто же так тот получил должность большого начальника на каком-то там заводе. Стало быть, высшее образование имеет. Папа выучил.

Участковому все можно, Даниле нет.

— Какая разница, кто у меня? — стряхнул он с себя пальцы Степаныча и процедил сквозь стиснутые зубы: — Оправданием для пьянки может послужить любой повод.

— Понятно... — пожевал сухими губами участковый и с опаской отступил на три шага.

— Чего понятно?!

— Нет у тебя детей, служивый. Нет и пока не предвидится, — вдруг брякнул Степаныч и тут же втянул голову в плечи. — Не обижайся, парень, но бездетных за версту видать. Носом я их чую, хоть он у меня сегодня и в табаке. Ладно... Идемте, что ли, на место...

ГЛАВА 4

День был прожит совершенно зря. Запросто можно было его вычеркивать из собственной жизни. Таким он был непродуктивным, безрадостным, серым, унылым.

Данила стоял на заросшем остролистой осокой берегу пруда, смотрел на зеркальную середину и ни о чем другом думать не мог, как только о Леночке.

Что она теперь делает? Почему не звонит? Почему на его звонки не отвечает? И почему, в конце концов, была так откровенна с Тамарой, женой его напарника Толика? Почему сказала ей то, о чем всегда молчала с ним — со своим дорогим мужем? Или он ей не так уж и дорог? Или все же права была мать, предостерегая его от брака с Леночкой?

Черт возьми все на свете!!! Почему было суждено его выходному дню сложиться именно так вот, а не иначе?! С какой стати приспичило этой молодой еще и достаточно красивой блондинке свалиться с обрыва у пруда и сломать себе шею, или отчего там она умерла? Не могла подождать до понедельника?

Кошунственно звучало, он знал, что кошунственно и бесчеловечно даже, а человечно было его лишать семейных радостей?

— Щеголев! — окликнули его из толпы суетящихся вокруг трупа людей. — Иди сюда, взгляни.

Чего там было глядеть! Он все успел осмотреть,

пока brave ребята, насытившись по дороге завтраком, соизволили подъехать. Все осмотрел, навел справки, поговорил серьезно с участковым. Даже записать кое-что успел, не для них, для себя.

Мария Николаевна Углина, тридцати семи лет от роду. Не замужем, точнее вдова. Воспитывает несовершеннолетнюю дочь. За ней, кстати, послали, но пока не нашли нигде. Работала на ферме бригадиром. Неплохо совсем получала. Непьющая, некурящая. Не гулящая. Правда, Степаныч что-то сказал вскользь о ее последнем недавнем романе с кем-то из приезжих. Но неуверенно как-то сказал. Все плечами пожимал и пересохшие с похмелья губы недоверчиво выворачивал.

— Не похоже это на Маню, — чесал он макушку. — Больно она серьезная, чтобы с приезжим шашни крутить. Скорее сплетничают злые бабы. Своих всех отшивала, а с чужим чтобы...

— А свои, это кто? — Тут вот Данила уже писать принялся.

— Ну... Библиотекарь наш Володька сох по ней еще при муже живом. Но никогда не давала она авансов ему. Даже уже когда вдовой была.

— А кто он — Володя этот? Мог он ее вчера с бугра этого столкнуть?

— Столкнуть?! Считаете, что столкнули?! — ахнул тут же Степаныч и попятился от трупa. — Разве не сама Маня-то? Разве не одна она была?

Пришлось объяснять участковому, чрезвычайно мающемуся и от беды такой, ужасно непривычной для здешних мест, и от похмелья, что падение погибшей скорее всего было вызвано тем, что ее кто-то столкнул с обрыва. Если вообще не сбросил уже бездыханную вниз. Следы от ее каблучков достаточно далеко от края обрыва. И трава там при-

топтана изрядно. Кто-то топтался рядом с ней, кто-то без острых тонких каблучков.

— Топтался?! — ахнул Степаныч, прикрывая пересохший рот ладонью. — Считаете, что не одна она была?

— Считаю, что не одна. И чего это ей одной тут ночью делать? Для кого-то она так вырядилась. Или она всегда так ярко одевалась?

— Да... Нет... — замотал тяжелой головой Степаныч и зажмурился.

— Что да? Что нет? Степаныч, ты хорош мудрить! — прикрикнул на него Толик, успевший внимательно исследовать окрестные кусты.

— Одевалась всегда опрятно, но на каждый день так никогда. Юбка белая... На коровник в ней, что ли, ходить! Нет, не видал ее ни разу в ней. И каблучки! Маня, она в танкетках на низком ходу всегда. Пошастай на ферму-то по три раза на дню на таких каблучищах! Нет, это она так вчера только вырядилась.

— Замечательно, — сделал пометку в своих записях Данила. — Стало быть, на свидание она нарядилась. Вопрос: с кем? Могла с библиотекарем роман закрутить?

— Нет! — слишком поспешно выкрикнул Степаныч и тут же смутился, напоровшись на их изумление. — Не знаю, конечно, но вряд ли. Волоська, он...

— Что? Что он, Степаныч? Тебя похмелить, что ли, чтобы ты соображал быстрее?! — взвыл Толик, все еще помнивший про неразобранный кавардак на балконе и про пирог, состряпанный женой по причине его обещаний. — У нас ведь сегодня воскресенье, выходной! Чего ты мямлишь-то?! Докладывай, как положено, ну!

— Доложишь тут, китель с меня снял. Фуражку отобрал, — надул губы Степаныч. — Пить охота, Толик. Сил нет, как пить охота. Аж в голове все пересохло, не то что во рту.

Пришлось Толику лезть в машину, выуживать из-под сиденья завалившуюся туда еще со среды початую бутылку минералки и отпаивать ее остатками участкового.

Вроде помогло. Степаныч повеселел, приосанился. Заговорил бодрее:

— Володька, он неплохой мужик. Добрый, спокойный. К Сашке добрый очень.

— Сашка у нас кто?

— Сашка — это Манина дочь. Такая красотка, такая красотка! На покойного мужа Маниного похожа. Маня, она тоже симпатичная... — Степаныч со вздохом покосился на мертвое тело в траве, уточнил с грустью: — Была... Была симпатичная. Но мужик ее покойный очень был пригожим. Ни одна баба не могла перед ним устоять, ну и... И он перед ними тоже. Не пропустил ни одной юбки. Вот Сашка в него.

— Как это?! — вытаращился Толик. — Также ни одной юбки не пропускает? Или штанов?

— Да нет, тьфу ты, — виновато улыбнулся Степаныч, покосился на мятый край своей клетчатой рубахи и вдруг начал заправлять ее в спортивные штаны, попутно объясняя: — Красавица, говорю, она вся в него. А так она очень серьезная, учится отлично.

— Степаныч! Степаныч же!!! — взвыл Толик, наблюдая за манипуляциями участкового с болезненной гримасой. — Ну что ты делаешь, скажи на милость?!

— А что? — тот недоуменно оглянулся.

— Ты чего рубашку в спортивные портки засунул? Думаешь, лучше сделал? Сейчас следователь придет, из прокуратуры народ, а ты тут чисто клоун! Хочешь завтра рапорт писать?

— Не хочу, — испуганно замотал головой Степаных и потянул рубаху из штанов. — Не хочу, Толик! Кто же знал-то... Сынок у меня приехал... Вот незадача.

— Так что там с библиотекарем?

Данила нетерпеливо постучал авторучкой по блокноту. Лично ему было уже плевать, как выглядит участковый. Ему важно теперь было узнать как можно больше. И как можно быстрее уехать из этой странной деревни с занавешенными даже в полдень окнами.

Не нравилось ему тут, совсем не нравилось.

— Володька, он очень хороший и спокойный, но...

— Но что? — поторопил его Данила, когда Степаных смущенно умолк.

— Но сильно пьющий.

— Насколько сильно? По случаю, с получки или каждый день?

— По случаю... каждый день, — закивал Степаных.

И не хотели, да заржали в полный голос с Толиком. Потом уловили скорбный взгляд участкового, направленный на мертвую женщину, и смех оборвали.

— Так и запишем, ее давний и тайный воздыхатель сильно и постоянно пил. Так?

— Так. Только он не тайный. О его чувствах вся деревня знала. И Маня сама знала. И Сашка ее тоже.

— И никак не реагировала? Я про погибшую?

— А как она реагировать может на алкаша? Му-

жик ее покойный выпить был не дурак да гулял еще в темную голову. Так он по дому все делал, воду провел в дом, ванну девкам своим установил, туалет, газ опять же. В деревне это редкость. А Володька, тот чуть не по-черному хату топил. Так, лабуда, а не человек, одним словом. Не живет, а небо коптит.

— Не для него, значит, вырядилась тогда вчерашним вечером Мария Николаевна, так, Степаныч? — Толик присел на корточки перед трупом, отодвинул веточкой прядь волос с мертвого лица, прошептал: — Красивая какая... Сочная. Кто же тебя мог так, а? Слышь, Степаныч, а не мог этот пропойца ее из ревности с обрыва того...

— Чего того-то? Чего того? — рассердился Степаныч и зашагал, зашагал туда-сюда по тропинке. — Володька, он курицы не обидит. Да и вдрызг он вчера опять же был еще днем.

— А к вечеру мог и протрезветь, — подсказал Данила, испытывая необъяснимое мстительное удовлетворение от того, что Степаныч гневается. — Мог увидеть, как Маня ваша через всю деревню цокает каблуками на свидание, пойти следом за ней, выждать удобный момент, когда она останется одна, и столкнуть ее с обрыва. Из ревности, во!

Степаныч покосился с пониманием на Данилу, что-то проворчал про бездетных и злых оттого и вдруг с необычайной для него важностью заявил:

— Цокать у нас каблуками, если вы успели заметить, негде. Асфальта потому как не наблюдается. Удобных моментов у Володьки было пруд пруди. Маня одна по темноте на ферму изо дня в день ходит. Карауль ее возле каждого куста — не хочу.

— Но ведь не наряжалась так никогда! — пере-

бил его Данила, вот нравилось ему дразнить участкового, и все тут. — А тут нарядная! Ревность и разыграла. Пошел следом за ней, увидел их свидание, подождал, пока она останется одна, и...

— Может, и так, — вдруг сдался участковый. И тут же прищурился хитро: — Только чего же это она одна-то вдруг в момент свидания осталась, а? Нарядиться нарядилась, сюда пришла. Значит, ждал ее кто-то. А чего потом одна остаться должна?

— А тот, кто ждал, взял и ушел, — подсказал Толик, продолжающий внимательно рассматривать мертвую женщину. — Может, они поссорились?

— Может, и поссорились. Только вот с кем? Ума не приложу!

И вот по тому, как вильнул от него взгляд пожилого деревенского мужика, проработавшего всю жизнь в этой деревне участковым и знающего тут не то что людей, а всех их кур наперечет, Данила понял, что тот если и не врет, то не говорит им всей правды. А если уж участковый, призванный всячески содействовать и помогать следствию, умалчивает и привирает, то стоит ли надеяться на остальных жителей села?

Тоска! Тоска и безнадега — дело это, на первый взгляд показавшееся Степанычу несчастным случаем.

Приехавший на место происшествия эксперт подтвердил это.

— Не скажу точно, но, по-моему, она была мертва еще до того, как слетела вниз.

— Точно?! — перекошилось лицо одного из прокурорских. — Может, все-таки несчастный случай? Может, она сама вниз слетела?

— Ага, — кивнул тот с понимающей скептиче-

ской ухмылкой. — И пока летела, успела кого-то когтями цапнуть так, что шкуры надрала под ногти — на тридцать три экспертизы хватит. И шею ее видали?

— Нет, — Толик помотал головой. — А что с ней?

— Не видал он! — фыркнул эксперт. — Надо было, опер, воротничок-то водолазки этой чуть приопустить, тогда и увидал бы, что ее либо задушили, либо задушить пытались. Вишь, синяки какие? И горло вспухло. Убийство это на первый взгляд.

— Чего сразу убийство-то? Чего сразу убийство? — изо всех сил пытался сопротивляться молодой сотрудник прокуратуры. — Может, она с кем-то подралась, тот потом убежал, или убежала, а она, пошатываясь, подошла к обрыву и...

— Ну-у, молодой человек, так мы с вами, знаете, до великих мэтров договоримся, — захихикал эксперт. — Подошла она к обрыву и, обхватывая одной рукой вздувшееся после драки горло, произнесла монолог, что ей кажется порой, что она птица, и шагнула вниз. Так, что ли?

Прокурорский промолчал, сердито озираясь по сторонам. Его тоже, видимо, не радовал воскресный день неожиданно прерванным отдыхом. И трупом, который ну никак не хотел укладываться в рамки несчастного случая. И домой мечталось пораньше попасть, где либо невеста, либо молодая жена ждала. А может, ни та и ни другая, а просто досмотреть последний сладкий сон хотелось. А тут, поди же ты, убийство нарисовалось!

— Ну что тогда, — улыбнулся он кисло. — Надо приступить к выявлению и опросу возможных свидетелей.

— А свидетелей тех вся деревня, — присвист-